

Н. Д. ЯКОВЛЕВ

Об артиллерии и немного о себе

<Фрагменты>

<...>

По отдельным <...> заявкам фронтов мною представлялась И. В. Сталину докладная записка, которая чаще всего утверждалась им без поправок. Хочу заранее сказать, что за все время войны не было такого случая, чтобы Верховный остался неудовлетворенным представлениями ГАУ. Лишь глубокой осенью 1941 года, когда обстановка на фронтах была исключительно тяжелой, И. В. Сталин как-то не выдержал и предложил было снять меня с занимаемого поста и даже отдать под суд...¹

А дело было так. Начальник ГлавПУРа Л. З. Мехлис имел поручение контролировать формирование новых стрелковых дивизий резерва Ставки. ГАУ уже разработало определенный план обеспечения этих соединений вооружением и боеприпасами. И выполняло его в полном объеме, хотя нужды фронтов в ноябрьские дни 1941 года были очень острыми.

Один из экземпляров сводки об обеспеченности этих дивизий мы посылали и Мехлису. Однако он считал нужным систематически вызывать меня где-то в 24.00 к себе и там с пристрастием проверять цифры. При этом в моем присутствии то и дело звонил командирам и комиссарам названных дивизий и справлялся у них о правильности поданных нами сведений. На это, как правило, уходило три-четыре часа.

А ведь в эти самые часы шла напряженная работа в наркоматах, в ГАУ, и мне надо было бы находиться там. А тут сиди и слушай, как тебя проверяют...

Появилась обида за недоверие ко мне, ответственному должностному лицу. Но больше всего — недовольство бесцельной тратой времени. И вот как-то находясь в кабинете начальника ГлавПУРа и слушая, как тот ведет бесконечные телефонные разговоры, я взорвался. Высказал Мехлису все, что думаю о процедуре этих унижительных проверок. Не скрыл, что меня подчас бесят его малоквалифицированные вопросы. И что под моим началом есть ГАУ, которое часами работает без своего начальника.

Вероятнее всего, Мехлис пожаловался Верховному. И вот однажды, когда Сталина также довела обстановка, он (это было в конце ноября) вдруг резко, сказал мне: «Вас надо судить и за неуважение к старшим, и за недостаток вооружения и боеприпасов!»

Я не особенно-то удивился этому. Ведь и в самом деле было очень трудное положение, и Верховному, если подходить по-человечески, надо было на ком-то разрядиться. Но «неуважение к старшим»... Это уже от Мехлиса...

И я не выдержал. Довольно резко ответил, что являюсь всего лишь строевым артиллеристом, на должность начальника ГАУ не просился и будет лучше, если меня отпустят на фронт. Сталин еще суровее взглянул, сжал в кулаке трубку. А затем, коротко повторив: «Будем судить», отпустил меня.

От Верховного я вышел вконец расстроенным. Еще бы! Раз сам Сталин сказал: «Будем судить», то это... Так что готовься, Яковлев, к самому худшему.

Помог случай. Точнее, очередные нападки на меня, как на начальника ГАУ. На этот раз с фронта, со стороны Г. К. Жукова. И случилось это буквально на следующий день после малоприятного обещания И. В. Сталина.

Поясню, что Г. К. Жуков в то время был уже командующим Западным фронтом. И естественно, жил тогда только его интересами. А как бедствовал этот фронт с боеприпасами в тяжелые первые месяцы войны — известно. Это, к глубокому сожалению, было горькой правдой. И вот под впечатлением очередных трудностей Жуков и прислал на мое имя довольно резкую телеграмму, в которой обвинял меня в мизерном обеспечении 82-мм и 120-мм минометов минами.

Раздражение командующего фронтом было понятным. Но Г. К. Жуков, однако, не знал, что по установленному порядку телеграммы с заявками на вооружение и боеприпасы одновременно

с адресатом рассылались по разметке как Верховному, так и ряду членов ГКО.

И вот звонок Поскребышева. Еду в Кремль, готовый ко всему. Сталин, сухо поздоровавшись, спросил меня, знаком ли я с телеграммой Жукова. Я ответил утвердительно...

И случилось непредвиденное. Верховный вдруг взял со стола телеграмму и... разорвал ее. Немного помедлив, сказал, что комфронтом Жуков просто не понимает обстановку, сложившуюся с боеприпасами. А она сложная. Ноябрь — самый низкий месяц по производству...

Высказав это, И. В. Сталин заметно подобрел. И уже почти дружеским тоном начал говорить, что, мол, если и судить кого-либо, то нужно предать суду работавших в Москве до войны, а, дескать, Яковлев здесь ни при чем, он человек новый. В недостатках материальных средств тоже нечего искать виновного, так как в свое время мы не успели сделать всего в этом отношении. Сейчас же нужно ожидать повышения поставок, а не заниматься беспредметными упреками.

Так, образно выражаясь, был снят с моей души тяжелый камень. Ну а что касается Западного фронта... Отлично понимая, что он прикрывает московское направление, ГАУ всегда отдавало ему предпочтение перед другими фронтами. Но, конечно, в пределах разумного. Вспоминается и еще один случай. В сентябре 1941 года теперь уже и не помню какой обком прислал И. В. Сталину телеграмму, в которой сообщал, что в одну из кавалерийских дивизий поступили с артсклада шашки, на клинках которых была надпись: «За веру, царя и отечество». Верно, такие надписи были на клинках шашек, оставшихся нам еще со времен Первой мировой войны. Правда, на складах ГАУ они были предусмотрительно вытравлены. А вот на каком-то окружном артскладе подобные надписи своевременно не сняли. И теперь обком докладывал об этом самому Верховному.

Вызвав меня, Сталин спросил, что это за шашки. Я доложил (копию телеграммы я, естественно, получил), что шашки боевые. Но конечно же я, как начальник ГАУ, виноват, коль скоро артсклад, который их выдал, не устранил надпись. Видимо, на это просто не было времени.

Выслушав меня, Сталин усмехнулся. А потом спросил:

— А скажите, товарищ Яковлев, можно ли этими шашками рубить врага?

Конечно можно, товарищ Сталин! — ответил я.

Верховный, снова усмехнувшись, махнул рукой и сказал:

— Ну и пусть рубят «за веру, царя и отечество», не жалко. Ну а вы... не обращайтесь внимания на телеграмму, товарищ Яковлев. — И тут же порвал ее.

И. В. Сталина отличала величайшая четкость в работе. Он до конца доводил любое дело, даже, казалось бы, второстепенное. Осенью 1941 года я, например, получил копию еще одной телеграммы, адресованной Г. К. Жуковым и Н. А. Булганиным в адрес Верховного. В ней сообщалось, что на Западном фронте некий умелец небольшой переделкой самозарядной винтовки (СВТ) превратил ее... в автомат. Ознакомившись с телеграммой, И. В. Сталин позвонил мне и посоветовал проверить поступившее предложение. А затем доложить ему результат. При этом высказал вполне разумное мнение о том, что нам крайне необходимо усиление автоматического огня в стрелковых подразделениях. Так что...

Заканчивая этот телефонный разговор, Верховный добавил, что приказал наградить войскового рационализатора за проявленное рвение, но одновременно и посадить его на несколько суток под арест за порчу оружия в боевой обстановке.

Специалисты из Наркомата вооружения, а также вызванные военные инженеры, в свое время испытывавшие самозарядную винтовку, представили мне довоенные материалы об этих испытаниях. Я сверил их с предложением, поступившим с фронта. Рационализация заключалась в установке на СВТ переключателя на автоматический огонь. Но оказывается, что первоначально такой переключатель у винтовки тоже предусматривался. И она испытывалась с ним на стрельбище. Результаты не порадовали: после нескольких десятков выстрелов (обойма имела 10 патронов и быстро заменялась другой) ствол нагревался и при дальнейшей стрельбе терял свои баллистические качества. Вследствие этого и было решено от переключателя отказаться, он был снят, и на потоке СВТ пошла без него.

Тем не менее, уже в моем присутствии поставив переключатель, вновь отстреляли винтовку как автомат. И я и присутствующие убедились, что ствол действительно быстро нагревается, следовательно, предложение фронта не может быть принято.

Итак, новизны в предложении из войск не было. И я, удостоверившись в этом, не счел нужным докладывать о результатах Верховному Главнокомандующему. Но примерно через полмесяца

Сталин сам спросил меня, как обстоит дело с предложением, поступившим с Западного фронта. Я доложил о результатах испытаний, сослался и на то, что все это было проверено еще перед принятием винтовки на вооружение, в предвоенное время. Поэтому, дескать, предложение не представляет интереса.

Сталин, слушая меня, молчал. А потом как бы между прочим спросил:

— А у вас, у военных, как, принято докладывать о выполнении поручений?

Я смутился, но ответил утвердительно.

— Так почему же вы не доложили о выполнении моего поручения? — уже с заметным раздражением поинтересовался Верховный.

Что ответить? Неуверенно сказал, что, мол, посчитал дело маловажным, а у вас, дескать, и без того много забот, не хотелось отнимать зря время... Сталин, нахмурившись, твердо заявил, что впредь не позволит нарушать порядок, установленный в армии, будет требовать доклада об исполнении любого поручения, каким бы мелочным оно ни казалось исполнителю.

Что ж, упрек заслуженный. И я воспринял его со всей серьезностью и больше уже не допускал подобных промахов.

За время войны мною было хорошо усвоено: все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это — закон! Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить. Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это — в стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда же по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону — тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры — вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим сла-

бостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н. Н. Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилии, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

— Пусть войдет, — сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошел... не совсем твердо державшийся на ногах генерал! Он подошел к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошел к генералу и мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Да, — еле выдавил тот из пересохших губ.

— Ну тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин и отпустил генерала...

Когда тот закрыл за собой дверь, И. В. Сталин заметил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет...

Да, таков был он, И. В. Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было несокрушимое единство. Слово Верховного (а он же и председатель ГКО, генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом.

Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел. В этой связи мне вспоминается случай, когда я, сам того не желая, подвел наркома танковой промышленности В. А. Малышева. Произошло это в августе 1941 года. В ту пору шло укомплектование вооружением многих заново формирующихся стрелковых бригад и дивизий. Естественно, в Ставке вскоре возник вопрос о сроках готовности некоторых из них. Его Сталин обратил ко мне. Я доложил, что окончательное обеспечение этих бригад и дивизий вооружением будет закончено лишь через несколько дней, так как промышленность запоздала с подачей передков для 76-мм полковых пушек. Немедленно последовал следующий вопрос:

какой наркомат в этом повинен? Пришлось ответить, что наркомат танковой промышленности...

Тотчас же последовал вызов в Ставку Малышева. Ему Сталин учинил очень серьезный разнос. Оказалось, что нарком танковой промышленности перед этим уже доложил, что передки готовы и отправлены по назначению. А выяснилось...

И хотя В. А. Малышев был сам повинен в случившемся, я, честно говоря, чувствовал себя перед ним неловко. Ведь мне и в голову не приходило подвести его. И потом откуда же я знал, что он, как говорится, уже подстраховал себя?

А теперь посмотрим, кто же решал в центре такой острой вопрос, как обеспечение фронтов вооружением и боеприпасами.

Надо откровенно признать, что в первые два-три месяца войны сколько-нибудь стройной системы в этом деле не было. Оно и понятно. Ведь мы тогда еще не имели достаточного опыта ведения большой войны в современных условиях.

Предвижу возражения читателя: а, дескать, события на Халхин-Голе, Хасане, КВЖД? А освободительные походы в Западную Белоруссию и Западную Украину? Наконец, советско-финляндская война. Да, это все было. Но данные события не требовали, не могли создать по-настоящему сложной и напряженной военной обстановки для нашего государства. Во всех этих случаях в помощь командованию на местах направлялись ответственные представители Наркомата обороны или, как это имело место в период советско-финляндской войны, создавались фронты за счет приграничных военных округов. Кроме того, такие фронты усиливались общевойсковыми соединениями, артиллерией, танками и авиацией, изъятыми из других военных округов. Словом, материально-техническое снабжение действующих войск не требовало в этих случаях особого напряжения ни со стороны государственного аппарата, ни со стороны народа.

Далее. Весь контроль за ходом этих локальных боевых действий осуществлял Генштаб. Он же вносил и соответствующие коррективы в планы командования на местах, утверждая их предварительно в Наркомате обороны. Правительство и И. В. Сталин по мере необходимости заслушивали начальника Генштаба и наркома об обстановке и вносили те или иные коррективы, вплоть до смены командования на месте. При этом, естественно, учитывалось и мнение тех членов Политбюро, которые временно закреплялись за районом боевых действий (так, в период советско-финляндской

войны членом Военного совета Северо-Западного фронта был член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов).

Вопросы снабжения войск в указанных случаях тоже разрешались довольно легко, в основном с помощью директив Генштаба, которые спускались соответствующим главным и центральным управлениям. А вот для ведения большой и, главное, затяжной войны было предусмотрено далеко не все.

Но началась война. И в первые же ее недели в острейшей форме встали вопросы обеспечения фронтов автоматами, винтовками, полковыми и дивизионными пушками, зенитной артиллерией, боеприпасами (прежде всего к минометам и противотанковой артиллерии). Генштаб, естественно, тут же целиком переключился на удовлетворение этих нужд. Но по инерции мирного времени потребовал именно от ГАУ обеспечить фронты вооружением и боеприпасами. Но где нам было все это взять? Наши запасы оказались довольно скудными, а поставки промышленности, которой еще нужно было переключиться на военные рельсы, налаживались туго. Поэтому в первые месяцы часть стрелкового вооружения для фронтов Генштаба, например, вынужден был изъять из без того небогатых запасов Забайкальского и Дальневосточного военных округов. А поскольку никакой системы очередности в снабжении тогда еще не существовало, то к осени 1941 года все то, что было в запасах центра, и то, что изъяли с Дальнего Востока, образно выражаясь, «съели» фронты.

Прямо скажу, столь остро вставшие вопросы обеспечения войск вооружения и боеприпасами для многих из нас явились прямо-таки неожиданными. Да, ресурсы оказались незначительными. Но почему? Разбираться в этом очень деликатном, к тому же сулившем большие неприятности, деле мало кому хотелось.

Больше того, если до войны сводный план заказов сверстывали в Генштабе, а затем его руководство само отстаивало его в Госплане и в правительстве, то теперь, когда Генштаб занимался только фронтами, сверстывать план заказов было некому. А вот начальников, распоряжающихся отпуском вооружения и боеприпасов, оказалось много. В частности, сам начальник Генштаба и его заместители. Давал распоряжения заместитель наркома. Требовали стрелковое вооружение военкоматы и обкомы партии из приграничных областей, чтобы вооружить свои истребительные батальоны. Нарастали потребности фронтов. И ГАУ буквально лихорадило от этой лавины заявок, просьб, требований.

<...>

Хорошо помню тот вечер в Ставке, когда пришло известие об окончательном разгроме группировки фашистских войск в районе Сталинграда. В кабинет И. В. Сталина вошел А. Н. Поскребышев и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны в связи с победой наших войск в Сталинграде.

В кабинете Сталина радиоприемника не было — он находился в кабинете Поскребышева. Поэтому Верховный предложил Г. К. Жукову и мне, оказавшемуся в этот час в Ставке, пройти туда и послушать Левитана...

Слушая торжественный голос известного всей стране диктора, передававшего приказ, я краем глаза наблюдал за Сталиным. Расправив плечи и став как будто выше ростом, он, попыхивая трубкой, гордо поглядывал то на Жукова, то на меня, не скрывая своего удовлетворения и гордости за блестящий успех наших войск.

Но особенно он подтянулся и приосанился в тот момент, когда Левитан начал читать раздел приказа о пленении гитлеровских генералов. И первым в этом списке шел фельдмаршал Паулюс. Сталин даже хмыкнул многозначительно. Дескать, знай наших. Вон каких китов уже заставляем в плен сдаваться! Но то ли еще будет!

<...>

